Wiera Otskheli*

Kutaisi (Gruzja)

<https://orcid.org/0000-0002-5483-1665>

Повесть Уиараго «Мамлюк» в контексте поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод»

Аннотация: Статья рассматривает метод сравнительной литературы через призму реминисценции. Проведено сравнительное исследование исторической поэмы польского поэта эпохи Романтизма Адама Мицкевича под названием „Конрад Валленрод” и романа грузинского писателя эпохи реализма Уиараго под названием „Мамлюк”. Стилистические и лексические аналогии, показанные в ходе сравнительного анализа этих произведений позволяют нам говорить о некоторой производности романа грузинского писателя от произведения польского поэта.

Ключевые слова: Мицкевич, Татарашвили-Уиараго, сравнительный анализ, лексические аналогии, стилистические сравнения, сюжетные сходства.

Powieść Uiarago Mamluk w kontekście poematu Adama Mickiewicza Konrad Wallenrod

Streszczenie: Artykuł dotyczy metody literatury porównawczej rozpatrywanej przez pryzmat reminiscencji. Przeprowadzono tu badanie po-

* Wiera Otskheli – doktor nauk humanistycznych w zakresie filologii, profesor w Kutaisi (Gruzja); vera.ozheli@yandex.com.

równawcze historycznego poematu polskiego poety romantycznego Adama Mickiewicza pt. *Konrad Wallenrod* oraz powieści gruzińskiego pisarza realistycznego Uiarago zatytułowanej *Mamluk*. Analogie stylistyczne i leksykalne ujawnione w toku analizy porównawczej tych dzieł pozwalają nam mówić o pewnej zależności powieści gruzińskiego pisarza od utworu polskiego poety.

Słowa-klucze: Mickiewicz, Tatarashvili-Uiarago, analiza porównawcza, analogie leksykalne, porównania stylistyczne, podobieństwa fabularne.

The story Uiarago «Mamluk» in the context of the poem Mickiewicz's «Konrad Wallenrod»

Summary: The paper deals with method of comparative literature as reminiscence. A comparative study it was conducted the material of the historical poem of the Polish romantic poet Adam Mickiewicz “Konrad Wallenrod” and the historical story of the Georgian realist writer Uiarago “Mamluk”. The stylistic and lexical analogies revealed in the coursed of the comparative analysis of these works allow us to speak about a certain dependence of the Georgian writers novel of the poem of the Polish poet.

Key words: Mickiewicz, Tatarashvili-Uiarago, comparative analysis, lexical analogies, stylistic comparisons, plot parallels.

Поэзия Адама Мицкевича – одного из величайших польских поэтов-романтиков, не только оставила заметный след в литературах славянского региона, но и оказала определенное влияние и на развитие литератур далеких от Польши в языковом и территориальном отношении народов, в частности, на грузинскую литературу. С именем Мицкевича связан расцвет польско-грузинских литературных отношений в первой половине XIX века, что не раз отмечалось в работах грузинских компаративистов, раскрывающих роль польского поэта в творчестве грузинских поэтов-романтиков – Георгия Эристави, Рафаэла Эристави, Николоза Бараташвили, Акакия Церетели и др¹.

В конце XIX – начале XX века революционно-романтическая поэзия Адама Мицкевича снова стала привлекать к себе грузинскую творческую интеллигенцию. Это объяснялось как оживлением романтических тенденций в грузинской литературе этого периода, так и нерешенностью задач национального характера (в 1801 году, как известно, Грузия утратила национальную независимость и долгие годы боролась за ее восстановление). Имя польского поэта часто встречается в это время на страницах грузинских газет и журналов. Так, в 1893 году в журнале «Квали» – («კვალი» – рус. След) была опубликована статья одного из ярких представителей грузинских шестидесятников, писателя Георгия Церетели – «Мицкевич и Падеревский»². В ней грузинский писатель говорит о композиторе и покорившем Европу пианисте Падеревском, с которым он познакомился во время своего пребывания в Германии и Швейцарии. Церетели с восторгом отзывается о композициях Падеревского, созданных им на стихи Адама Мицкевича, с которым «[...] как поэт, – пишет он, – в наш век никто не может сравниться». В заключение статьи Церетели дает перевод на грузинский язык двух импровизаций Мицкевича, вдохновивших Падеревского на создание романсов – «Когда б я лентой стал» и «Текут мои слезы».

В 1897 году газета «Цнобис пурцели» («ცნობის ფურცელი» – рус. Листок Ведомостей) сообщала читателям, что Польша готовится к празднованию 100-летнего юбилея со дня рождения своего любимого поэта³; в 1898 году газета «Иверия» («ივერია») опубликовала биографические сведения о Мицкевиче, составленные вдовой поэта Томаша Зана, и статью, в которой дан обзор творчества поэта⁴; составители «Грузинского Календаря» («საქართველოს კალენდარი») на 1903

¹ Хитаришвили В. И., *Адам Мицкевич в грузинской литературе XIX*, [w:] *Романтизм в славянских литературах*, Москва 1973, s. 307-338.

Тegoż, «*Фарис*» Мицкевича и «*Мерани*» Бараташвили, [w:] *Романтизм в восточнославянских литературах*, dz. cyt., s. 223-230.

Chitariszwilli-Occ'heli W., *Polsko-gruzińskie związki literackie w XIX wieku*, „Przegląd Humanistyczny” 1977, № 2, s. 85-97.

² Церетели Г., *Мицкевич и Падеревский*, „Квали” 1893, № 49. s. 18-19.

³ *Юбилей Мицкевича*, „Листок Ведомостей” 1897, № 320, s. 2.

⁴ *О Мицкевиче*, „Иверия” 1898, 24 декабря, s. 1-4.

год включили в него сведения о творческой биографии автора «Пана Талеуша»⁵.

В 1912 году во II-ой книге сборника «Грдемли» («გრდემლი» – рус. Наковальня) была опубликована историческая повесть «Мамлюк» («მამლუქი») мало известного к тому времени очеркиста Кондратэ Татарашили. Повесть «Мамлюк» Татарашили подписал псевдонимом Уиараго («უიარაღო» – рус. Безоружный). Именно под этим именем вошел он в большую литературу – причем, главным образом, благодаря повести «Мамлюк», которой суждено было стать жемчужиной не только его литературного наследия, но и украшением всей грузинской литературы первой четверти XX века. В 1958 году повесть была экранизирована на студии «Грузия-фильм», где главную роль сыграл Отар Коберидзе, один из самых популярных и импозантных грузинских актеров.

Татарашили-Уиараго (1872–1929), сын приходского священника, после окончания приходской школы в селе Абастумани (Зугдидский район в Западной Грузии), продолжая семейную традицию, поступил в духовное училище города Зугдиди, а затем в Тифлисскую духовную семинарию. В 1893 году будущего автора повести «Мамлюк» за участие в студенческой забастовке отчислили из семинарии, и он перевелся в Киевскую духовную семинарию. После ее окончания Кондратэ вернулся в родное село, открыл там приходскую школу и какое-то время работал в ней, позже переехал в Тифлис, где в течение нескольких лет был священнослужителем в церкви Иоанна Крестителя. Активное участие в судьбе грузин, арестованных за сочувствие идеям революции 1905 года, резко изменило судьбу Татарашили. Спасаясь от гнева экзарха Грузии, он эмигрировал в Европу, найдя убежище в Бельгии. Там он закончил отделение геологии Брюссельского университета, и только в 1922 году вернулся на родину, где до конца своих дней читал лекции по геологии в Тбилисском государственном университете и заведовал там кабинетом геологии.

Первые литературные пробы Уиараго относятся к концу 90-х годов XIX века. Это были очерки, рассказы и новеллы («Я и мой дядя», «На чай», «Неприятная встреча», «Устав», «Реакция», «Беспристрастная оценка»), в которых он обличал нравы буржуазного общества, высту-

⁵ *Мицкевич*, „Грузинский Календарь” 1903, s. 435-436.

пал с критикой самодержавия. По мнению исследователей творчества писателя, это был период, когда Татарашвили находился под влиянием лучших представителей грузинской реалистической школы – Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Георгия Церетели. В 1902 году Татарашвили завершил работу над романом «Искатели», в котором представил широкую панораму жизни грузинской деревни конца XIX века, показал быт и обычаи грузинского крестьянства, с жизнью которого был хорошо знаком. Роман был опубликован только в 1940 году уже после смерти писателя и не получил значительного резонанса в литературной среде. Таким образом, повесть «Мамлюк» является единственным, снискавшим всеобщее признание и широкую популярность произведением Татарашвили.

Исследуя генезис повести «Мамлюк», следует учитывать тот факт, что ее замысел относится к периоду возвращения Татарашвили из Киева, где он провел больше года и сблизился с представителями украинской литературной среды. Творческая атмосфера Киева в годы пребывания там грузинского семинариста, обладающего литературными наклонностями, была насыщена революционным духом польской поэзии, в которой Адаму Мицкевичу принадлежало особое место. Образ польского поэта-изгнанника, беззаветно служившего своему народу, отождествлялся в восприятии многих поэтов с высоким призванием поэзии, ее значением, ролью и местом в жизни общества. Заметный след оставил Мицкевич в творческом наследии таких украинских писателей, как Тарас Шевченко, Петр Гулак-Артемовский, Лев Боровиковский, Леся Украинка, Михаил Коцюбинский и др. Известный польский славист профессор Базыли Бялокозович в этой связи пишет: «[...] в сознании многих украинских писателей и поэтов Мицкевич был [...] символом священной поэзии, в которой человеческая сущность выражена в Вечном. Он обладал умением сплачивать культуры и народы любовью к отечеству»⁶.

Есть основания полагать, что поэзия Мицкевича не оставила равнодушным и грузинского патриота Татарашвили. Мы берем на себя смелость выдвинуть гипотезу о том, что историческая повесть Татарашвили «Мам-

⁶ Бялокозович Б., *Мицкевич в восточнославянских литературах*, [w:] *Славянские литературы и мировой литературный процесс*, Минск 1985, s. 23.

люк» написана не без учета основных мотивов исторической поэмы Адама Мицкевича «Конрад Валленрод» (1828), в которой польский поэт создал образ пламенного патриота, жертвующего жизнью ради спасения своего отечества и достиг такой силы патриотического звучания, что стал выразителем национально-освободительной идеи.

Известно, что место каждой национальной литературы в мировом литературном процессе, прежде всего, определяют ведущие писатели, которые олицетворяют характерные черты литературной школы или направления. Писатели второго плана часто остаются в тени, хотя не в меньшей степени украшают национальную литературу, способствуют ее известности и признанию. С контактно-генетической точки зрения творчество таких писателей часто даже более показательно. Как утверждает словацкий компаративист Дионис Дюришин, именно писатели второго плана «[...] осуществляют преемственность меж-литературных ценностей более прямолинейно. В их художественной манере более непосредственно проявляются характерные черты общих тенденций развития литературы, общепризнанные на данном этапе литературные нормы, благодаря чему эти писатели пользуются большей популярностью у читателей»⁷. Это положение в полной мере соответствует примеру, на котором остановлено наше внимание.

У нас нет конкретных доказательств, подтверждающих факт знакомства грузинского писателя с поэмой Мицкевича, хотя есть основание выдвинуть такую версию. Знакомство Уиараго с поэмой Мицкевича «Конрад Валленрод» могло, на наш взгляд, идти двумя путями. Во-первых, через творчество его любимого поэта Акакия Церетели, грузинского Пушкина, как часто называют автора знаменитого «Сулико», который в биографической повести «Пережитое», открыто писал о влиянии на него поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод»⁷, которое отражено в его трагедии «Баграт Великий» и в исторической повести «Баши-Ачуки»; и, во-вторых, через непосредственное знакомство с поэмой польского поэта в русских переводах, широко распространенных в киевских литературных кругах.

⁷ Дюришин Д., *Теория сравнительного изучения литературы*, Москва 1979, s. 212.

⁸ Церетели А. Р., *Пережитое*, Собрание сочинений в 18-ти томах, Том III, Тбилиси 1954, s. 74.

Как известно, Мицкевич в своей исторической поэме воссоздает страницы далекой и печальной истории своего народа, а ее сюжетную канву составляет судьба захваченного в плен крестоносцами литовского мальчика, которому в Ордене дали новое имя – Вальтер Альф. Впоследствии Альф присвоил себе имя убитого им немецкого графа Конрада Валленрода и, благодаря безграничной храбрости и отваге, прославился под этим именем, что впоследствии позволило ему быть избранным Магистром Ордена крестоносцев.

В центре повести Татарашвили трагическая судьба юноши-грузина, отражающая многовековые беды грузинского народа – похищение и продажа людей в рабство. История средневековой Грузии насыщена печальными фактами, повествующими о трагических судьбах красивых девушек, сильных юношей и мальчиков христиан, которых похищали работорговцы и продавали в рабство в Турцию, Иран, Египет. Девушками наполнялись гаремы шахов, султанов, богатых ханов, а юноши заполняли отряды регулярной мусульманской армии, в которой грузинские и черкесские воины считались самыми отважными и сильными. Повесть «Мамлюк» рассказывает об одном из таких грузинских мальчиков. Хвичо – так звали героя повести в детстве – 7-8-летним ребенком был похищен из семьи и продан в Стамбуле на невольничьем рынке в услужение паше. Там он получил новое имя – Махмуд. После долгих мытарств, которые подробно описывает Уиараго, он попал в Египет в конную армию мамлюков. Благодаря физическим данным, выносливости и смелости, Махмуд-бей стал прославленным воином, а впоследствии был избран предводителем конной армии мамлюков.

Описывая трагический эпизод из истории своего народа, Татарашвили-Уиараго мог попасть под влияние поэтического гения польского поэта, в центре произведения которого также трагическая страница из истории его отчества. Об этом говорит схожесть сюжетной линии произведений польского и грузинского писателей, а проведенный ниже сравнительный анализ текстов поэмы «Конрад Валленрод» и повести «Мамлюк» подтверждает наше предположение.

Поэма Мицкевича начинается вступлением, где определяется время ее действия и обозначены противостоящие силы – это, с одной стороны, Литва, с другой, ее грозный враг – Орден Крестоносцев, жестокий и воинственный завоеватель:

Сто лет прошло, как нечестивцев кровью
 Крест рыцарского ордена умылся [...]
 Стал Неман рубежом Литвы с врагами:
 С литовской стороны леса шумели,
 Где алтари курились пред богами;
 С другой, своей вершиной в небо целя,
 Крест, символ немцев, плечи грозно ширил,
 Как бы стремясь все земли Палеона
 Пригнуть под власть немецкого закона,
 Все подчинив себе в литовском мире⁹.

Уиараго также начинает повествование вступлением, в котором обращается к далекому прошлому Грузии, к событиям 150-летней давности. Он изображает местность, где бурная река Техури, как в поэме Мицкевича река Неман, разделяет землю и народ на два лагеря: с одной стороны, Имеретия, тщетно борющаяся с мусульманским Востоком, с другой, Кахетия, насильственно омусульманенная, живущая под властью иранского султана Махмуда II. «Вся Грузия – Восточная и Западная, – разоряемая [...] внешними врагами, представляла собой довольно печальное зрелище», – пишет Уиараго. Для усиления трагичности в описании положения Грузии, он приводит слова известного грузинского поэта Давида Гурамишвили:

Карталинии напасти мог исчислить лишь мудрец,
 Сладость стала горькой желчью для измученных сердец.
 И грузины стали жертвой вражьих козней под конец,
 И отверг людей греховных возмутившийся творец¹⁰.

Кульминацией в произведениях польского и грузинского писателей является момент избрания героев на высокую воинскую должность. Он

⁹ Мицкевич А., *Конрад Валленрод* (Перевод Николая Асеева), [w:] Адам Мицкевич, *Избранные произведения в двух томах*, Том 1, Москва 1955, s. 321.

¹⁰ Уиараго, *Мамлюк* (перевод Георгия Цагарели), [w:] *Грузинская проза в трех томах*, Том третий, Москва 1955, s. 408.

изображен обоими авторами с удивительной схожестью использованных ими лексических средств. Исследуя проблему литературного влияния, профессор А.В. Федоров отмечает, что в тех случаях, «[...] когда нет авторских признаний об испытанных ими влияниях, об их так называемых »вдохновителях«, следует подчеркнуть важность стилистических сопоставлений, стилистического анализа, как одного из путей к установлению литературных связей»¹¹.

Так Мицкевич, описывая момент избрания крестоносцами Конрада Валленрода Магистром Ордена создает атмосферу особой напряженности, ответственности и, вместе с тем, праздничности:

С Мариенбургской башни звон раздался,
Гром пушек в барабанный бой вмешался;
Великий день для Ордена святого;
В столицу рыцари спешат из дому [...]
Решать – на чьей груди кресту большому
Возлечь и меч большой кому – на латы¹².

Лексические средства, примененные грузинским писателем при описании избрания Махмуда предводителем конной гвардии мамлюков, явно напоминают лексику, использованную Мицкевичем в аналогичной ситуации: «На восточной окраине города Каира, на голом склоне хребта Моко-там, гордо высится крепость Саладина с высокими башнями и толстыми стенами [...]. Однажды площадь перед крепостью заполнилась народом. Здесь собрались самые прославленные представители мамлюков из всех областей Египта. Это были беи, тысяцкие, сотенные и избранные воины. Мамлюки ходили по площади, собирались группами и спорили. Одни горячились, другие беседовали спокойно. Было ясно, что предстояло разрешить какой то важный вопрос. И вот на одной из башен крепости взвился стяг. Его поднимали только в исключительных случаях»¹³.

¹¹ Федоров А. В., *К вопросу о литературном влиянии*, [w:] *Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур*, Москва 1961, s. 327.

¹² Мицкевич А., *Конрад Валленрод* (Перевод Николая Асеева), dz. cyt., s. 323.

¹³ Уиараго, *Мамлюк* (перевод Георгия Цагарели), dz. cyt., s. 456.

Стилевые и лексические аналогии встречаем также при характеристике Конрада и Махмуда перед избранием их на высокую воинскую должность. У Мицкевича читаем:

Он – чужестранец, в Пруссии безвестный,
 Прославил Орден славой повсеместной:
 Он мавров разгромил в горах Кастильи,
 Он оттоманов одолел на море,
 Язычники пред ним в испуге стыли.
 Он первым был всегда в военном споре
 И первым на турнирах был, готовый
 Перед соперником открыть забрало,
 И рыцарская доблесть отступала
 Пред ним, ему отдав венок лавровый¹⁴.

И мамлюки видят в Махмуде достойнейшего среди них: «Он был первым, когда чернокожие племена в союзе с гомарами решили померяться силами с мамлюками, первым взобрался на стену крепости Сиута, другие воины последовали за ним и взяли крепость; когда мамлюки сражались у Ассуана, а чернокожие, как саранча, налетели на них, именно Махмуд врезался во вражеское скопище, поднял тем самым боевой дух мамлюков и они победили. Когда отряд мамлюков у развалин Фив был окружен албарскими племенами и мамлюки, не решаясь атаковать врага, готовы были сложить оружие, Махмуд поднял на дыбы коня и с боевым кличем кинулся на вождя гогентотов, отрубил ему голову, привел врага в смятение и победил»¹⁵. Радостным кликам не было конца, когда Махмуд был провозглашен предводителем конной гвардии.

Для литвина Конрада, избрание Магистром Тевтонского Ордена было чрезвычайно важным событием, так как являлось необходимым этапом в достижении давно поставленной и продуманной им цели. Конрад задумал погубить Орден. Став Магистром, он возглавил поход на Литву,

¹⁴ Мицкевич А., *Конрад Валленрод* (Перевод Николая Асеева), dz. cyt., s. 323.

¹⁵ Уиараго, *Мамлюк* (перевод Георгия Цагарели), dz. cyt., s. 457-459.

но, вместо активных действий, которые к лицу прославленному воину, он бездействует и тем самым приводит Орден к поражению. Коварный план Конрада был раскрыт, и крестоносцы приговорили его к смерти, но он предупредил исполнение приговора, выпив чашу с ядом.

У Махмуда, в отличие от Конрада, не было плана мести. Внешне он был даже доволен своей участью, и, казалось, забыл о прошлом: о родине, родителях, мытарствах на чужбине. Все изменил случай. В Каир пришло известие о нашествии армии Наполеона. Мамлюки и конница под предводительством Махмуд-бея приготовились к бою. Во время сражения с гвардией венецианцев, одной из частей армии Наполеона, Махмуд неожиданно услышал из уст смертельно раненного им «венецианца» слова, столь родные и близкие ему с детства: «Вай, нана!» Этот вскрик – произвольный призыв о защите, обращенный к матери во время беды. Он всегда произносится на родном языке, и означает что-то на подобие «ой, мамочка!». В данной ситуации он воспринимается, как напоминание о забытой родине, также как раздирающий душу крик убитой крестоносцами матери Конрада, преследует его, напоминая о трагическом прошлом. Услышав этот вскрик, Махмуд оторопел! Его сознание прояснилось. Он понял, что жертвой его клинка стал грузин, с такой же трагической, как у него, судьбой, грузин, вынужденный проливать свою кровь за чужие интересы. Махмуд вдруг вспомнил детство, родной дом, родителей, братьев. Вспомнил сколько пролил слез, тоскуя о родине, ее горам, покрытым лесами и текущей среди них гулкой реке Техуре. С этого момента он перестал быть мамлюком. «К черту пророка и Аллаха! Где же они? Беззаконие – вот Аллах всего земного, а насилие – его пророк! – закричал Махмуд-бей. К черту ваш ислам и вашу клятву»¹⁶. Махмуд отрекся от принятого в неволе ислама и клятвы, данной мамлюкам, и, как Конрад, своим бездействием во время боя привел войнство мамлюков к поражению. За это он поплатился жизнью. Его, как изменника, убили мамлюки.

Следуя романтической традиции отечественной и европейской литературы, польский и грузинский писатели создали в своих произведениях образ, в котором сущность трагедии заключена в одиночестве. И Конрад, и Махмуд одиноки, именно потому они были обречены на гибель. Оба

¹⁶ Тамże, s. 466-467.

погибли как «изменники», но каждый, кто читает повесть об их трагической жизни и гибели, понимает – это была великая жертва во имя любви к родине.

В секретном рапорте сенатора Новосильцева, составленного с целью возбудить дело о политическом преследовании Мицкевича, было сказано, что политическая цель поэмы «Конрад Валленрод» «[...] состоит в стремлении согреть угасающий патриотизм [...]»¹⁷. Если учесть, какое воздействие поэма Мицкевича оказала на грузинских патриотов (Акакия Церетели и Кондратэ Татарашвили), то следует признать, что Новосильцев был, бесспорно, прав.

При всей схожести произведений польского и грузинского писателей, следует отметить и их различия. По признанию самого Мицкевича, поэма «Конрад Валленрод» объединяет в себе замысел двух произведений, ибо первоначально он предполагал писать две поэмы. Отсюда в «Конраде Валленроде» две сюжетные линии – история любви Вальтера Альфа и Альдоны, дочери литовского князя Кейстута, ставшей женой Вальтера Альфа, и борьба Конрада против Тевтонского Ордена. В повести Уиараго любовная линия отсутствует. Это, бесспорно обедняет произведение грузинского автора, так как история любви Вальтера и Альдоны придает образу Конрада большую жертвенность, а, поэме – большую силу патристического звучания.

В заключение следует сказать, что выявленные в ходе сравнительного анализа поэмы Адама Мицкевича «Конрад Валленрод» и повести Уиараго «Мамлюк» сюжетные параллели, стилистические и лексические аналогии позволяют говорить об определенной зависимости повести грузинского писателя от поэмы польского поэта. Проведенный сравнительный анализ дает также основание утверждать, что остававшееся в течение долгого времени неизвестным за пределами своего языка творчество Уиараго было связано с мировым литературным процессом, что, в свою очередь, увеличивает значимость наследия грузинского писателя и включает его в общеевропейский, международный, многокультурный дискурс.

¹⁷ Горский И. К., *Адам Мицкевич*, Москва 1955, s. 119.

Literatura

Chitariszwili-Occheli W., *Polsko-gruzińskie związki literackie w XIX wieku*, „Przegląd Humanistyczny” 1977, № 2, s. 85-97.

Бялокозович Б., *Мицкевич в восточнославянских литературах*, [w:] *Славянские литературы и мировой литературный процесс*, Минск 1985, 23 ss.

Горский И. К., *Адам Мицкевич*, Москва 1955, 119 ss.

Дюришин Д., *Теория сравнительного изучения литературы*, Москва 1979, 212 ss.

Мицкевич А., *Конрад Валленрод* (Перевод Николая Асеева), [w:] *Адам Мицкевич, Избранные произведения в двух томах*, Том 1, Москва 1955, 321 ss.

Мицкевич, „Грузинский Календарь” 1903, s. 435-436 (*მიცქევიჩი*, „ქართული კალენდარი” 1903, გვ. 435-436).

О Мицкевиче, „Иверия” 1898, 24 декабря. s. 1-4 (*მიცქევიჩის შემოქმედების შესახებ*, „ივერია” 1898, 24 დეკემბერი, გვ. 1-4).

Уиараго, Мамлюк (перевод Георгия Цагарели), [w:] *Грузинская проза в трех томах*, Том третий, Москва 1955, s. 408.

Федоров А. В., *К вопросу о литературном влиянии*, [w:] *Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур*, Москва 1961, 327 ss.

Хитаришвили В. И., *Адам Мицкевич в грузинской литературе XIX*, [w:] *Романтизм в славянских литературах*, Москва 1973, s. 307-338.

Хитаришвили В. И., *«Фарис» Мицкевича и «Мерани» Бараташвили*, [w:] *Романтизм в восточнославянских литературах*, Москва 1973, s. 223-230.

Церетели Г., *Мицкевич и Падеревский*, „Квали” 1893, № 49. s. 18-19 (*წერეთელი გიორგი მიცქევიჩი და პადერევსკი*, „კვალი” 1893, № 49, გვ. 18-19).

Церетели А. Р., *Пережитое*, Собрание сочинений в 18-ти томах, Том III, Тбилиси 1954, 74 ss. (*წერეთელი აკაკი, ჩემი თავგადასავალი*, თხზულება 16 ტომად, ტომი III, თბილისი 1954, გვ. 74).

Юбилей Мицкевича, „Листок Ведомостей” 1897, № 320, s. 2 (*მიცქევიჩის იუბილე*, „ცნობის ფურცელი” 1897, № 320, გვ. 2).

Bibliografia

Białokozowicz B., *Mickiewicz w wostocznosławiańskich literaturach*, [w:] *Sławiańskie literatury i mirowej literaturnyj process*, Minsk 1985, 23 ss.

Cerietieli A. R., *Pierieżytoje*, Sobrańije soczinienij w 18-ti tomach, Tom III, Tbilisi

Wiera Otskheli, *Powieść Uiarago „Mamluk” w kontekście poematu A. Mickiewicza „Konrad Wallenrod”*

- 1954, 74 ss. (Cereteli Akaki, *Czemi tawgadasawali, tchzuleba* 16 ss. tomad, tomi III, Tbilisi 1954, gw. 74).
- Cerieteli G., *Mickiewicz i Padieriewskij*, „Kwali” 1893, № 49. s. 18-19 (Cereteli Giorgi, *Mickewiczi da Paderewski*, „Kwali” 1893, № 49, gw. 18-19).
- Chitariszwili W. I., *Adam Mickiewicz w gruzinskiej literaturze XIX*, [w:] *Romantizm w sławianskich literaturach*, Moskwa 1973, s. 307-338.
- Chitariszwili W. I., «*Faris*» Mickiewicza i «*Mierani*» Barataszwili, [w:] *Romantizm w wostocznosławianskich literaturach*, Moskwa 1973, s. 223-230.
- Chitariszwili-Occheli W., *Polsko-gruzińskie związki literackie w XIX wieku*, „Przegląd Humanistyczny” 1977, № 2, s. 85-97.
- Diuriszyn D., *Tieorija srawnitielnogo izuczenija literatury*, Moskwa 1979, 212 ss.
- Fiedorow A. W., *K woprosu o litieraturnom wlijanii*, [w:] *Wzaimoswiaz i wzaimodiejstwije nacyonalnych literatur*, Moskwa 1961, 327 ss.
- Gorskiy I. K., *Adam Mickiewicz*, Moskwa 1955, 119 ss.
- Jubilej Mickiewicza*, „Listok Wiedomostiej” 1897, № 320, s. 2 (*Mickewiczis iubile*, „Cnobis Purceli” 1897, № 320, gw. 2).
- Mickiewicz, „*Gruzinskij Kalendar’*” 1903, s. 435-436 (Mickewicz, „*Kartuli Kalendari*” 1903, gw. 435-436).
- Mickiewicz A., *Konrad Wallenrod* (Pieriewod Nikołaja Asiejewa), [w:] *Adam Mickiewicz, Izbrannyje proizwiedienija w dwóch tomach*, Tom 1, Moskwa 1955, 321 ss.
- O Mickewicze*, „*Iwierija*” 1898, 24 diekabria. s. 1-4 (*Mickewiczis szemokmedebis szesacheb*, „*Iweria*” 1898, 24 dekemberi, gw. 1-4).
- Uiarago, *Mamluk* (pieriewod Georgija Cagarieli), [w:] *Gruzinskaja proza w triech tomach*, Tom trietij, Moskwa 1955, s. 408.